РАЗВЕДКА И КОНТРРАЗВЕДКА

КИТ МЕЛТОН
ВЛАДИМИР АЛЕКСЕЕНКО

ШПИОНСКИЙ АРСЕНАЛ

ИСТОРИЯ ОПЕРАТИВНОЙ ТЕХНИКИ СПЕЦСЛУЖБ

Владимир Алексеенко

Шпионский арсенал. История оперативной техники спецслужб

«Алисторус»

2016

УДК 355.40
ББК 67.401.212

Алексеенко В. И.

Шпионский арсенал. История оперативной техники спецслужб / В. И. Алексеенко — «Алисторус», 2016

ISBN 978-5-906880-11-6

«Холодная война» спровоцировала начало «гонки вооружений» в сфере создания и применения одного из самых изощренных и скрытых от глаз инструментов шпиона – устройств специального назначения. Микрофототехника, скрытое наблюдение, стены и предметы бытовой и оргтехники, в нужный момент обретающие «уши», – это поле боя, на котором между спецслужбами уже более 60 лет ведется не менее ожесточенная борьба, чем на «шпионской передовой».Большинство историй, рассказанных в книге, долгие годы хранились в архивах под грифом «Секретно», и сегодня у нас есть редкая возможность – в деталях узнать о сложнейших и уникальных разведывательных и контрразведывательных операциях КГБ, успех или провал которых на 90 % зависел от устройств специального назначения.Владимир Алексеенко более 20 лет прослужил в оперативно-технических подразделениях внешней разведки КГБ СССР и принимал непосредственное участие в описанных операциях. Кит Мелтон – американский историк и специалист по тайным операциям, владелец уникальной коллекции спецтехники (более 8 тыс. предметов, в т. ч. и тех, что продемонстрированы в данной книге).

УДК 355.40
ББК 67.401.212

ISBN 978-5-906880-11-6

© Алексеенко В. И., 2016
© Алисторус, 2016

Содержание

Предисловие 7
Очерк I. Обучение и стажировка 10
Глава 1. «Добро пожаловать в секретный отдел ЦК КПСС» 10
Глава 2. Первые впечатления и попутные размышления уже на пенсии 13
Глава 3. Первое знакомство с новой Профессией. Даешь «закладку»! 15
Глава 4. Мои любимые «фотики» 18
Очерк II. Оперативная микрофотография 23
Глава 5. Письма-микроточки жене резидента 23
Глава 6. Первые шаги микрофотографии как способа секретной связи 25
Глава 7. Микрофотография в годы Второй мировой войны 29
Глава 8. Микрофотография в послевоенный период 33
Конец ознакомительного фрагмента. 34

Кит Мелтон, Владимир Алексеенко Шпионский арсенал. История оперативной техники спецслужб

© В. Алексеенко, 2016
© К. Мелтон, 2016
© ООО «ТД Алгоритм», 2016

* * *

Посвящается офицерам-ветеранам 14-го Отдела Управления ОТ ПГУ КГБ СССР, мужественно и честно служившим своей стране.

Предисловие

О разведке и разведчиках, агентах и шпионах написано много интересных книг историками и ветеранами спецслужб. Авторы этих изданий интригуют читателя рассказами о самой тайной сфере деятельности, о легендарных захватывающих операциях разведки, которые заканчивались как успехами, так и неудачами. Главными героями в этих книгах выступают, как правило, оперативные офицеры разведки, руководившие своими агентами и осведомителями. Все они вместе как и раньше, во времена СССР, так и сейчас решают главную задачу разведки по добыванию секретной и важной для государства информации самого разного содержания и объема.

Вместе с оперативными офицерами действуют и другие сотрудники разведки самых разных специальностей, от аналитиков, шифровальщиков и связистов-радистов до уникальных мастеров по сейфам и замкам, компьютерных гениев, собирающих информацию в закрытых, тщательно охраняемых базах данных, и талантливых мастеров “оперативного макияжа”, способных кардинально изменить внешность человека, если этого требуют условия проведения операции. Об этих уникальных специалистах рассказано достаточно много и подробно, чтобы российский читатель смог по достоинству оценить вклад каждого направления деятельности разведки.

Однако есть офицеры разведки, о которых практически до сих пор ничего не известно. Хотя сотрудники этого направления непосредственно принимают участие в операциях по добывании информации: они ее особым образом обрабатывают с целью надежного хранении и транспортировки, а также обеспечивают безопасность представительств России за рубежом.

Этим неизвестным направлением является оперативно-техническая служба российской разведки, которой в апреле 201**5** г. исполнилось 60 лет и где одному из авторов довелось служить 20 лет в качестве офицера КГБ СССР, а затем, уже на пенсии, заниматься историями создания и применения особых устройств, которые в деятельности КГБ называются оперативной техникой, или коротко ОТ.

Юбилейный знак «60 лет Оперативно-технической службе российской разведки»

Для меня годы работы в качестве оперативно-технического сотрудника были самыми интересными и по-своему счастливыми, и я с огромной благодарностью вспоминаю всех тех, кто рекомендовал меня на службу в КГБ, и, конечно, моих руководителей, наставников и сослуживцев, заботливо и тщательно обучивших меня самым разным специальностям, от «охотника на жучков» и строителя особых, защищенных от подслушивания помещений до специалиста по микрофотографии, тайнописи, агентурной связи и по многим другим уникальным профессиям. Все те, с кем я работал первые годы в разведке, не таясь, передавали мне свой бесценный опыт, и это было нормой в службе ОТ, как, впрочем, и в других подразделениях центрального аппарата разведки в Москве.

Моя служба в ОТ сложилась весьма удачно и настолько интересно, что после выхода на пенсию периодически возникало желание рассказать об этой уникальной сфере деятельности с тем, чтобы вызвать интерес у студентов и выпускников технических институтов, которые для себя решают вопрос выбора профессии. С полной ответственностью хочу сказать этой моло-

дой аудитории, что служба в качестве офицера оперативно-технической службы разведки даст возможность овладеть многими специальностями и приобрести уникальный опыт работы, что в конечном итоге сделает вас востребованными не только в государственной сфере, но и в коммерческой деятельности, где в настоящее время активно работают собственные службы безопасности, постоянно нуждающиеся в квалифицированных и опытных оперативно-технических специалистах. На протяжении последних 25-ти пенсионных лет я постоянно сталкивался с тем, что самыми высококвалифицированными специалистами в этой сфере считаются офицеры ОТ разведки, владеющие самым широким спектром оперативной техники и получившие за рубежом реальный опыт противодействия западным спецслужбам.

Как-то Юрий Кобаладзе, первый руководитель пресс-бюро СВР, познакомил меня с Китом Мелтоном, американским историком и бизнесменом, автором многочисленных книг и статей об истории техники разведки и контрразведки, а также владельцем уникального музея специальной техники. Нас сразу объединило страстное желание сохранить для истории наиболее интересные образцы специальной техники и рассказать о примерах их использования. В 2000 г. вместе с Мелтоном мы приняли участие в изготовлении экспонатов для Международного музея шпионажа в Вашингтоне. В 2012 г. была издана «Тайная история спецтехники ЦРУ» о профессии оперативно-технического сотрудника разведки. Я занимался переводом, редактированием и оформлением этой новой книги Мелтона для российского читателя.

Кит Мелтон и я предоставляем широкой аудитории читателей книгу «Очерки истории специальной техники», в основу которой положены наши ранее изданные статьи, написанные на основе архивных материалов Музея Кита Мелтона и моей собственной практики. Кит Мелтон обозначен как первый автор этой книги, поскольку без его участия и поддержки эта книга никогда бы не была написана для российского читателя. Авторы полагают, что книга будет подарком ветеранам оперативно-технических подразделений российских спецслужб, которые вспомнят свои молодые, полные сил годы и увидят технику, которую много раз держали в руках и готовили для мероприятий.

Мы также создавали эту книгу как Музей специальной техники в надежде на то, что когда-нибудь в России создадут такой настоящий и открытый для всех желающих музей, как это уже сделано в США, Германии, Финляндии и др. странах.

Очерк I. Обучение и стажировка

Глава 1. «Добро пожаловать в секретный отдел ЦК КПСС»

Я остановился перед аккуратной надписью: «Научный центр исследований» на небольшой пристройке к высокому и мощному забору, за которым виднелся современный комплекс зданий из стекла и бетона. Где-то там, внутри, располагалась моя будущая работа, о которой я не имел ни малейшего представления, кроме шутки одного из кадровиков, что «придется по команде начальника быстро нажимать кнопки на специальной аппаратуре». В течение целого года моего оформления я все-таки узнал, что буду работать, точнее, служить в одном из подразделений центрального аппарата КГБ, однако других сведений у меня не было, а спросить молодых ребят, проходивших вместе со мной комиссии и собеседования, я не решался.

Во время последней встречи с кадровиком мне вручили пластиковый пропуск, где в маленьких квадратиках стояли совершенно непонятные значки, часть которых была «пробита» дырками вроде водительского талона предупреждений. Если кто-то помнит, сотрудники ГАИ СССР делали просечки за мелкие и крупные нарушения часто в зависимости от настроения инспектора милиции и степени заискивания, а иногда и агрессии водителя-нарушителя.

Нормальной на пропуске была только моя черно-белая фотография и длинный личный офицерский номер. И более ничего. Ни фамилии, ни имени с отчеством не было, и это уже само по себе создавало ощущения тайны и сопричастности к важной и секретной деятельности.

Как мне объяснил кадровик, стоянка специального автобуса до объекта (так часто в советские времена называли место моей службы) была недалеко от метро. На вопрос, а есть ли какая-либо табличка на стоянке или на автобусе, мне ответили, что недалеко от метро будут стоять строго одетые мужчины в костюмах с галстуками и женщины обязательно в платьях. Позднее я узнал, что в советские времена женские брюки были запрещены на всей территории моей работы. И действительно, поднявшись из метро и оглядевшись по сторонам, я сразу увидел небольшую очередь строго одетых людей, большинство которых читали утренние газеты.

Неожиданно подкатил новенький «львовский» автобус с темно-коричневыми «траурными» шторами на окнах, и через переднюю дверь люди по очереди чинно стали рассаживаться, предварительно показывая водителю такой же, как и у меня, пропуск. Я старательно сделал то же самое и оказался внутри. Ура, меня опознали как одного из своих, и это уже было неплохое для меня начало. Волнение немного улеглось, и мы покатили по МКАД. Было начало октября 1973 г., солнечный день уходящего бабьего лета, мой выходной костюм с белой рубашкой и галстуком – всё должно было придавать мне уверенности в первый день моей службы в КГБ.

По дороге от метро до объекта более всего меня волновали вопросы, которые скорее всего будут мне задавать во время первой встречи с руководством подразделения. Надо сказать, что в течение года оформления в КГБ я уже ответил на огромное количество вопросов в процессе сначала медицинских обследований, а затем различных и многочисленных собеседований, проверки всех документов моих родителей, жены и близких родственников. Особенно тщательно надо было писать биографии родителей. Завершающим этапом явилось заполнение кадровой анкеты и двухдневное тестирование. В первый день теста это было что-то вроде коротких устных экзаменов на запоминание текста, расположения фигур, фотографий лиц и многое другое. На второй день меня проверяли на полиграфе, где два сотрудника в белых халатах посадили меня в специальное кресло, повесили на руки и пальцы различные датчики и, стоя за спиной, задавали мне несколько часов самые разные вопросы, касающиеся моей биографии, учебы и семьи.

Терзая себя мыслями об ответах на предстоящие вопросы, я не заметил, как автобус остановился, и все пассажиры прошли через стеклянные двери внутрь территории, показывая стоящим вдоль узких проходов строгим молодым людям свои пропуска. Я же не знал, что делать, и повернул направо к небольшому домику с красивой вывеской «Научный центр исследований» и далее более скромной – «Бюро пропусков». Внутри на столике стояли телефоны, я набрал известный мне номер, сообщил о прибытии в первый раз, и мне ответили, что за мной придут. Через 10 минут появился мой сопровождающий, он оказался таким же молодым парнем, как и я. Весело посмотрев, он пожал мне руку, спросил: «Владимир Николаевич?», затем провел меня через охрану, и далее по дорожке среди белых березок мы вышли к необыкновенно красивому 6-ти этажному зданию с овальным козырьком над центральным входом. Фойе цокольного этажа из светло-серого мрамора показалось мне, как в современном по тем временам театре. В глубине фойе располагался уютный журнальный киоск с красивой продавщицей средних лет с элегантной прической и в нарядном платье. Мы поднялись на финском лифте на верхний 6-ой этаж, и меня посадили в коридоре в уютное кресло перед огромным витражом, через которое открывался красивый вид на МКАД в окружении еще зеленого леса.

Просидев в кресле около часа и не дождавшись приглашения, я заглянул в кабинет секретаря, который выделялся по интенсивности заходивших и выходивших из этого помещения сотрудников. Приветливая дама-секретарь попросила меня подождать еще немного, и через несколько минут меня пригласили в просторный кабинет руководителя, который с улыбкой встал мне навстречу, пожал руку и произнес:

Здание ПГУ КГБ СССР (из архива Keith Melton Spy Museum)

– Добро пожаловать, Владимир Николаевич, в особый секретный отдел ЦК КПСС.

Ноги мои стали слегка ватными, и руководитель, Евгений Иванович, в красивом темно-синем костюме, видя мое замешательство, вовремя пригласил меня сесть в кресло. А сам вернулся за свой большой рабочий стол с аккуратно разложенными бумагами и, сидя, некоторое время пристально с улыбкой меня рассматривал. Я же, собравшись с духом, довольно бодро выдавил слова благодарности и добавил, что горжусь оказанным мне доверием и постараюсь его оправдать. Евгений Иванович улыбнулся еще раз и начал спрашивать меня об институтской учебе и практике, моей специализации и увлечениях. Ему явно понравились радиомонтажные навыки, полученные мною еще в школе и затем на институтской кафедре радиотехники. Потом были расспросы о семье, родителях и родственниках жены.

Позднее я узнал, что моя служба началась в 14-ом отделе Первого главного управления КГБ (ПГУ КГБ), а вовсе не в ЦК КПСС, и я долго ломал голову, почему руководитель озадачил меня таким приветствием? Мне рассказали, что Евгений Иванович до службы в КГБ занимался партийной работой, а затем был рекомендован кураторами из ЦК КПСС возглавить отдел оперативной техники разведки: именно так назывался 14-ый Отдел ПГУ в служебных документах Комитета. А столь необычное приветствие в мой адрес оказалось его шуткой – проверкой молодых сотрудников, приходивших в отдел под его «крыло».

Забегая вперед, скажу, что в первые несколько лет моей службы в отделе я услышал много высказываний в адрес нашего руководителя. Они были большей частью доброжелательными и, по моему мнению, совершенно справедливыми. Конечно, были и те, кто носил обиду на Евгения Ивановича, чья партийная выучка иногда не давала ему смелости идти к руководству ПГУ для защиты «штрафника» от увольнения, например, офицера, напившегося на рабочем месте, устроившего скандал за границей или грешившего любовными утехами на стороне. Но такие единичные случаи были как ЧП, поскольку дисциплина офицеров ПГУ, прошедших тщательные кадровый и партийный отборы, была намного более строгой и осознанной, чем у офицеров других управлений КГБ, и это не было секретом.

Как я убедился на собственном опыте, работа за границей была серьезной и всесторонней проверкой для офицеров КГБ да и для всех сотрудников советских представительств. Бытовавшая в советские времена поговорка: «Я бы с ним в разведку не пошел» или, наоборот, «Я бы с ним пошел…» – была совершенно справедливой. Заграница проверяла людей, как настоящий детектор лжи или рентгеновский аппарат, который мог просвечивать человека насквозь. Однако бывало и так, что руководители баловали своих любимчиков, не обращали внимание на критику в их адрес, что иногда заканчивалось весьма печально. Но об этом более подробно в других главах.

Глава 2. Первые впечатления и попутные размышления уже на пенсии

Итак, началась моя служба в КГБ. На следующий рабочий день уже без дрожи в коленках я начал осматриваться. Новое здание штаб-квартиры разведки было построено год назад, в 1972 г., под «легендой» элитного санатория, расположенного в красивом лесном массиве. Внутри все было отделано финскими материалами, сверкали блеском мраморные холлы и новенькие лифты, не дожидаясь которых мы, «молодняк», носились по удобным лестницам и красивому финскому паркету. В аккуратной, чистой столовой и кафе офицеры наслаждались дружеским трепом среди комфортной мебели за вкусным обедом и чашкой ароматного кофе.

Мне сразу понравилось абсолютно все, особенно небольшие и уютные кабинеты для двух сотрудников, с огромными окнами, встроенными шкафами для сейфов и одежды, с редкой по тем временам системой кондиционирования. За новым финским столом было приятно сидеть в элегантном вращающимся кресле, а для посетителей имелись не менее удобные стулья.

Все располагало к тому, что и сама моя служба будет такой же красивой, современной и по-своему элегантной, как в советских детективных фильмах. И мне сразу захотелось с головой окунуться в этот пока загадочный, но уже доступный для меня мир с героями-разведчиками, крепкой, надежной мужской дружбой и справедливыми отцами-командирами. Через несколько лет многие из этих первых впечатлений кардинально изменились, однако до сих пор я сохранил любовь к своей уникальной профессии, уважение к товарищам, многих из которых уже нет…

Воспоминания о службе в разведке, ставшей для меня главным смыслом жизни, размышления о неудачах и успехах, с которыми пришлось сталкивался, навели на мысль, что работа «не отпускает» меня до сих пор. И как результат мне регулярно снятся резидентура, мои сослуживцы и одна из операций, где что-то не удалось. Проснувшись под утро, начинаю восстанавливать детали, «ковыряться» в своих поступках и размышлять над реакцией товарищей. А потом с горечью сознавать, что прошедших лет моей службы, по-своему счастливых, полных радости, энергии и удачи, увы, не вернуть. Мне же остается только вспоминать все, что было важным, интересным и полезным, и пытаться перенести это на бумагу.

Хочу надеяться, что все те, кто прочтет эти воспоминания и очерки, узнают об уникальной работе разведки в период, когда мы жили в огромной и сильной державе, которую боялись наши противники и уважали друзья. Интересный эпизод: я, как дипломат, часто возил с дипломатической почтой громоздкие системы ОТ, пересекая границу между ФРГ и ГДР, через этот фронтовой рубеж между Востоком и Западом. И мои знакомые западные немцы как бы в шутку, шепотом, просили меня передать советским начальникам в ГДР о том страхе, который испытывала в то время Западная Европа перед огромной лавиной танков на границе с ФРГ. Немцы были уверены, что по приказу из Москвы эта железная армада сможет за полчаса “перепахать” всю Европу до берегов Атлантики. Об этом на Западе никто не забывал, все боялись СССР и его союзников, и потому советская разведка в Европе могла работать гораздо увереннее и спокойнее, чем, например, в США. Это придавало нам силы и смелости, часто в явно рискованных мероприятиях. Успехи кружили головы, мы иногда забывали об опасности и противнике, который иногда пользовался нашей эйфорией и преподносил нам такие сюрпризы, которые нередко ломали наши предыдущие успехи.

В США было по-своему легче: мы ежедневно видели за собой слежку, ее действия, понимали и чувствовали работу контрразведки ФБР против нас. Это заставляло и руководство, и офицеров не забывать о конспирации и безопасности нашей работы, о надежности защиты наших секретов. Планируя операции в городе, мы старались угадать все возможные варианты

ловушек и действий ФБР, готовились страховать своих товарищей в случае неудачи и постоянно смотрели по сторонам, когда «вдруг» исчезала демонстративная слежка.

А в Европе все было наоборот. Слежка была крайне редкой, и ежедневная оперативная работа в тихой, сонной Европе иногда успокаивала оперативников, которые после стандартной проверки уверенно двигались к месту проведения операции. Да и сама работа внутри посольства и резидентуры КГБ в Европе больше напоминала суетливую и веселую московскую жизнь. И за такое спокойствие приходилось жестоко расплачиваться, беспощадно ругая и себя, и товарищей за потерю бдительности, пренебрежение золотыми принципами безопасности и конспирации, которые, как дорожные правила, были написаны кровью и поломанными судьбами офицеров, угодивших в ловушки противника или сделавших шаги в сторону провала. Но об этом потом, в последующих главах…

Глава 3. Первое знакомство с новой Профессией. Даешь «закладку»!

Через несколько дней после начала службы в ПГУ мне, еще “зеленому” офицеру, вместо пистолета, о котором я столько мечтал, выдали в секретариате под расписку толстую тетрадь унылого бутылочного цвета с интригующим заголовком «Для записей секретного содержания» и велели двигаться в конец длинного коридора, где располагался учебный кабинет, или коротко «учебка». Здесь мне предстояло провести целый год подготовки в компании таких же «зеленых», но уже гордых званием «офицер КГБ» молодых парней.

Наш распорядок дня, как и всех других офицеров ПГУ, складывался из основной работы, занятий спортом дважды в неделю в бассейне или в борцовском зале, ежемесячной стрельбы по три патрона из пистолета в подземном тире и посещения курсов иностранных языков, кому это было позволено. Офицеры в основном старались придерживаться такого расписания, для многих спорт был хорошей разрядкой после многих часов сидячей работы с документами. Некоторые же пропускали спорт, кто из-за лени, а кто, возможно, стеснялся своей полноватой фигуры и невозможности выполнить офицерские нормативы.

Потянулись однообразные дни нашей самостоятельной подготовки, и мои товарищи после обеда начали, не таясь, дремать над учебными пособиями. Я как мог держался несколько дней, а потом вместе со всеми стал зевать, как «лев, после удачной охоты и сытного обеда». Наш сонный вид скоро заметили, и после обеда опытные сотрудники отдела начали с нами занятия. Не все наши наставники имели лекционный опыт, но детали их рассказов вместе с показами специальной техники были настолько интересными, что мы сидели, разинув рты и ловили каждое слово. Однако и тут начинались сны и даже с вежливым храпом. Особенно отличались офицеры со стажем, переведенные в 14-ый отдел из других управлений КГБ. Возможно, они уже имели представление о зарубежной работе сотрудника ОТ, но спать, особенно в первом ряду на глазах ветеранов отдела, нам казалось оскорблением. Мы потихоньку будили спящих после обеда «львов» и старались посадить их подальше на последние ряды. Но храп доносился и оттуда, и, чтобы его заглушить, мы громко задавали вопросы и двигали стулья. В середине занятия «львы» просыпались и, отдохнув, энергично останавливали рассказы инструкторов своими вопросами и даже дополнениями. Мы потом узнали, что активность на таких занятиях бралась руководством на заметку, чтобы точнее определить способности и настрой каждого нового офицера. Кстати, сон и храп на занятиях не оставляли без внимания.

Во время этой, уже настоящей учебы мы наконец-то получили представление о деятельности 14-го отдела. Оказывается, что офицер ОТ за границей занимает официальную должность «атташе по связи», руководит и отвечает за техническую безопасность зданий представительства. Мы узнали, что сотрудник ОТ организует защиту территорий и зданий от террористических атак, ведет поиск техники подслушивания, обеспечивает защиту коммуникаций здания от съема информации, отвечает за пожаробезопасность, контролирует самые разные технические работы на соответствие требованиям безопасности и многое другое.

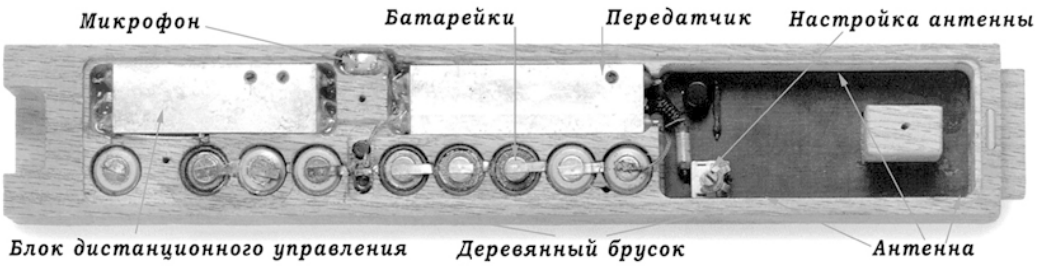
Нас поразило количество задач, с которыми офицер ОТ должен справляться за границей. В беседах с опытными сотрудниками отдела задавался вопрос, а почему КГБ должен контролировать технические работы по обслуживанию советских зданий за границей? Ответом была впечатляющая статистика обнаружения самых разных «жучков» после мелкого и крупного ремонта, выполненного иностранцами. Особенно активно спецслужбы использовали строительство новых советских зданий для установки техники подслушивания.

Как нам показали на многих примерах, доверия к иностранным рабочим не было, и потому все работы по обслуживанию советских зданий должны выполнять специалисты из СССР или техники из состава представительства. А контролировать все эти работы и про-

верять их обязаны офицеры ОТ. Согласно указаниям ЦК КПСС (ничуть не меньше) сотрудники 14-го отдела имели официальные полномочия для контроля всех технических работ внутри любых советских представительств, их помещений, а также руководили и принимали участие в мероприятиях по техническому оснащению особо важных помещений. Таковыми считались кабинеты руководителей представительств СССР: посла, торгпреда, генерального консула. Объектами нашего обслуживания также были кабинеты в особо важных помещениях, таких, как референтура, где колдовали шифровальщики со своими тайнами и велась вся работа с секретными документами.

Особой сферой защиты для сотрудника ОТ была своя родная резидентура, где работали офицеры разведки КГБ. Эти помещения оборудовались специальной защитой о подслушивания и периодически проверялись. Именно в этих помещения планировались и готовились все мероприятия разведки, проводились совещания и «разборы полетов», снаряжалась оперативная техника перед использованием в «городе».

Продолжая занятия в учебном классе, мы познакомились с другим, не менее важным направлением нашей будущей работы. В служебных документах это называлось оперативно-техническое обеспечение деятельности резидентуры КГБ. Главной задачей резидентуры была работа с агентурой для добывания актуальной разведывательной информации, для чего могла использоваться оперативная техника. При этом ставилась задача обеспечения безопасности всех оперативных мероприятий, что также не обходилось без разнообразной специальной аппаратуры. Во всех направлениях работы сотрудник ОТ должен был проявить максимум усилий, чтобы, с одной стороны, показать оперативникам все возможности техники, а с другой стороны, грамотно обучить оперативников приемам ее использования. Получалось так, что офицер ОТ должен быть не только классным техническим специалистом, но и уметь расположить к себе офицеров для активного и, главное, правильного использования технических средств.



Учебная радиозакладка в деревянном бруске (из архива Keith Melton Spy Museum)

Занятия с опытными сотрудниками отдела заставили нас по-другому взглянуть на инструкции в учебном классе и на образцы специальной техники, имевшейся для нашей тренировки. Особый интерес вызывали стенды с образцами техники подслушивания, обнаруженной сотрудниками отдела в советских представительствах за рубежом. На жаргоне КГБ такая иностранная техника называлась «закладками», и, как мы узнали позднее, обнаружение закладки оценивалось как высший результат работы оперативно-технического сотрудника, что отмечалось ведомственной или правительственной наградой. Каждый из нас сразу начал мечтать о таком личном успехе. Однако из бесед с опытными офицерами отдела мы узнали, что поиск закладок далеко не всегда заканчивался их обнаружением. Это была тяжелая, изнурительная и требующая отдачи всех сил работа, в чем я смог убедиться на собственном опыте.

Забегая вперед, хочу пояснить, чтобы найти и самому извлечь «закладку», требуется стечение многих обстоятельств, среди которых «госпожа удача» часто бывает на первом месте.

В 14-ом отделе в период 1972–1975 гг. появилось много профессиональных поисковиков из Оперативно-технического управления КГБ (далее ОТУ КГБ) с большим опытом работы, и далеко не всем, к сожалению, посчастливилось подержать в руках «свою закладку».

Мне же невероятно повезло, и в первой загранкомандировке в США удалось дважды вытаскивать закладки, испытывая ни с чем не сравнимое волнение и гордость. Но как тогда, так и теперь хочу сказать, что дороги к моему личному успеху были проложены старшими товарищами и без их наставнической помощи, уроков и рекомендаций у меня бы ничего не вышло. К тому же многолетняя статистика обнаружения закладок, как мы узнали на занятиях, показывала, что положительному результату предшествует постоянный, многократно повторяющийся и продолжительный поиск «вражеской» техники подслушивания в тех странах, где западные спецслужбы, и в первую очередь ЦРУ и ФБР, проводят активную работу в отношении советских, а сегодня и российских представительств. В оперативной история 14-го отдела был случай, когда систему подслушивания нашли только после пяти лет кропотливого поиска.

Надо сказать, что диплом «охотника на жучков» в настоящее время можно получить и на различных коммерческих курсах в Москве. Однако реальную практику как в советские времена, так и сейчас получают только сотрудники службы ОТ СВР, организуя поиск закладок в разных странах и в самых разных условиях. С полной ответственностью могу сказать, что только в ОТ СВР имеется огромный результативный опыт поиска и обнаружения закладок, чему позавидовали бы многие западные спецслужбы, а российские коммерческие организации безопасности тем более.

Глава 4. Мои любимые «фотики»

Именно так ласково – «фотики» называли в ПГУ офицеров направления специальной фотографии 14 отдела за их безотказность, доброжелательность и корректность. «Фотики» были моим первым коллективом, куда меня пригласили стажироваться. Ветеран коллектива, Василий Иванович, небольшого роста, сухонький, резкий, встретил меня в синем халате с пятнами от фотохимикатов. Заметив мой взгляд на халат, Василий Иванович мимоходом сказал, что есть и чистые, попросил подождать, посадил меня в кресло, а сам ушел за темную штору в фотолабораторию. В кабинет несколько раз заглядывали посетители с вопросом, а где начальство? Несколько человек остались ждать, сидя рядом со мной. У многих в руках были папки и конверты, вероятнее всего, с заданиями для фотонаправления. Наконец появился Василий Иванович уже в костюме и начал прием посетителей. И тут я услышал настоящие боевые задания от подразделений разведки: сделать цветное фото для иностранного паспорта, изготовить микроточку, о которой я ничего не слышал, сфотографироваться на удостоверение КГБ, проявить полученные от агента оперативные фотопленки из резидентуры, срочно отпечатать фотоклише для руководства ПГУ и многое другое.

К этому потоку заданий Василий Иванович отнеся совершенно спокойно. Он внимательно читал каждое письмо-заявку, аккуратно регистрировал их в специальном журнале, в котором затем офицеры ставили свои подписи. Тут появился Сергей Дмитриевич, также ветеран коллектива, временно замещавший начальника фотонаправления. Он внимательно прочитал задания, поставил на каждом свою подпись и резолюцию, кому какую работу выполнять. Я сидел, не шелохнувшись, стараясь уловить важность каждого задания и надеясь посмотреть, а как его будут выполнять мои наставники-профессионалы.

На столе часто звонил телефон, по которому задавались одни и те же вопросы, когда можно оформить и сдать в работу задание, а также когда оно будет выполнено. Все подразделения ПГУ хотели получить результаты побыстрее, но никто не стал им объяснять, что часть сотрудников в отпусках и коротких командировках. Их опыт сам подсказывал, какие работы надо делать срочно, а что можно отложить на пару дней. Мое появление у «фотиков» также объяснялось временной нехваткой кадров.

На следующий день очередь офицеров с заданиями повторилась, и я начал понимать, что фотоработы в разведке занимают особое место. Как-то днем, когда посетители исчезли на обеденный перерыв, Василий Иванович, закрыв журнал регистрации, сказал: «Ну, теперь ты понял, какое направление самое важное в 14-ом отделе?» И действительно, работая уже за границей, мне довелось слышать отзывы оперативников о моих сослуживцах. Главной похвалой была фраза: «А ваш сотрудник (называлась фамилия) – это фотограф “от бога”», – и такую марку надо было держать постоянно, поскольку заработать авторитет специалиста в резидентуре и в Москве надо было годами, а потерять можно сразу, после одной ошибки.

Итак, я начал свою практику в качестве стажера и стал выполнять несложные задания. Через неделю появился из отпуска Игорь Кузьмич, который справедливо считался в то время одним из лучших, ведущих сотрудников спецфотографии. Игорь Кузьмич начал учить меня правилам портретной фотосъемки, которая велась постоянно, поскольку фотографии на удостоверения и на загранпаспорта требовались всем офицерам ПГУ. Я учился «ставить» свет, корректировать позу объекта и поворот его головы во время съемки, стал осваивать сложные импортные модели фотоаппаратов. Настал день, когда мне поручили самостоятельно делать портретные съемки.

Надо сказать, что портретная съемка велась в отдельном помещении, где на «плечиках» висели несколько военных кителей, рубашек, галстуков и все виды погонов. Начиная с 1970-х гг., сотрудникам ПГУ запретили ношение военной формы, и потому для фотографий на удо-

стоверение офицеров ПГУ КГБ использовались всего несколько военных комплектов, которые подгонялись по фигуре с помощью прищепок и булавок. Исключение делалось только для генералов, которым в спецателье КГБ шились на заказ парадные генеральские мундиры. Но в ПГУ в то время был всего десяток генералов, и такая съемка, требующая от «фотиков» особой подготовки, проводилась очень редко.

Я освоил интересный прием: дело в том, что после фотографирования на удостоверение офицерам ПГУ рекомендовалось сохранить негатив. Через пару-тройку лет офицер ПГУ получал следующее звание, повышался в должности, приходил к «фотикам» с просьбой сделать новое фото на удостоверение. Чтобы сэкономить время на фотосъемку, фотики искусно рисовали раствором йода на негативе новую звездочку и печатали старый негатив. Об этом фокусе скоро узнали все офицеры ПГУ, после чего бережно хранили негативы своих фотографий в военной форме.

Следующей учебой для меня явилась портретная фотопечать. В направлении использовались в основном импортные фотоматериалы и своя особая технология обработки экспонированной фотопленки, а для фотопечати применялись удобные фотоувеличители немецкой фирмы «Durst» с многочисленными системами регулировки и подстройки. Мои первые самостоятельно отпечатанные фотоснимки целиком забраковали, показав все ошибки. И я стал учиться заново технике фотопечати, хотя до КГБ часто занимался фотоработами и в школе, и в институте. Все пришлось забыть.

Самой кропотливой работой считалось ретуширование портретных негативов для печатания фотографий на иностранные документы и паспорта. Ретушь выполнялась часами вручную, десятками карандашей разной твердости, и все единогласно доверяли это крайне сложное и кропотливое дело только нескольким специалистам, Игорю Кузьмичу и Сергею Дмитриевичу.

Через месяц появился начальник фотонаправления Николай Алексеевич Левшин, вернувшийся из командировки. Полковник Левшин, чей стаж работы в КГБ начинался в 1948 г. с курсов специальной технической подготовки, был для всего 14-го отдела и специалистом, и руководителем особо уровня. Всегда аккуратно одетый, со строгим, чуть ироничным взглядом, но всегда внимательный к вопросам любой сложности, Николай Алексеевич стал моим наставником на долгие годы. После службы в КГБ мы несколько лет вместе работали уже на пенсии, и для меня его рабочие, житейские советы и рекомендации всегда были и важными, и полезными.

Левшин Николай Алексеевич, 1928–2000 г. (фото из журнала «Мужская работа», № 14, 2002 г.)

Офицеры фотонаправления были коллективом интеллектуалов, кастой специалистов, особо ценимой в ПГУ. Деятельность офицера ОТ за границей была во многом связана с использованием самой разнообразной фототехники, от фотокопировальных установок и фотокамер для скрытой (незаметной) съемки людей до миниатюрных агентурных фотокамер в авторучках, зажигалках и даже в губной помаде. Все эти разные фотосистемы и камеры требовали особых приемов обработки фотопленки, специальных навыков печати фотоснимков часто в большом количестве, добиваясь читаемости каждого фотоклише. И все это надо были грамотно и без ошибок выполнять сотруднику ОТ резидентуры, не забывая о других важных направлениях своей работы.

К этому надо добавить дополнительное обучение уже в резидентурах оперативных офицеров фотомастерству, особенно в тех случаях, когда специальной фототехникой должен был пользоваться их агент для съемки особо важных секретных документов. И если фотокопии таких документов оказывались плохого качества, виновным считался сотрудник ОТ. И потому

офицеры направления во главе с Николаем Алексеевичем в прямом смысле гоняли сотрудников и 14-го отдела и всего ПГУ в период подготовки в Москве, чтобы они в резидентурах могли добиваться требуемой четкости выполнения особых фототехнологий, соблюдения всех этапов подготовки фототехники и многократной проверки надежности фотоустройств перед оперативным мероприятием.

Надо сказать, если за границей сотрудник ОТ отличался мастерством как фотоспециалист, его ценили не только офицеры резидентуры, но и сам резидент КГБ, и часто руководитель советского представительства. И, конечно, в первую очередь в этом была заслуга сотрудников фотонаправления, строго, тщательно и заботливо обучавших всех офицеров ПГУ, проходивших подготовку перед выездом в командировку. До сих пор вспоминаю тревогу и нервозность опытных офицеров ОТ, которым предстояло сдать экзамен «самому Левшину», не прощавшему плохой подготовки и ошибок на зачете. Как-то во время заключительной беседы на вопрос Николая Алексеевича, чем отличается зеркальный фотоаппарат от дальномерного, капитан с большим стажем работы в радиотехнической лаборатории ОТУ КГБ после некоторой паузы робко ответил, что «зеркалка будет подороже, чем дальномерная камера». Этот ответ еще долго вызывал хохот у всей учебной группы. Посмеявшись, Николай Алексеевич отправил капитана обратно на подготовку.

Продолжая стажировку в направлении, я начал осваивать особые фотокамеры для негласной съемки. Это были специально сконструированные для КГБ фотоаппараты, которые прятались в пальто, под пиджак, за брючный ремень. Объективы таких «хитрых» камер маскировались специальными пуговицами с раздвигающимися шторками, а для женских костюмов применялись особые брошки с прозрачными стеклами. Даже заколка для мужского галстука могла скрывать специальный фотоаппарат. Эти и многие другие системы маскировки назвались «камуфляжами», или «прикрытиями». Такие особые фотосистемы впервые были разработаны для служб наружного наблюдения (далее НН, или «наружка»), когда во время слежки за человеком требовалось незаметно его сфотографировать. Важными снимками считались его действия, например, во время встречи с другим человеком, посещение квартир, учреждений и особенно поступки, которые у сотрудников НН считались подозрительными.

Несколько лет назад в открытой печати вышла трилогия «Наружное наблюдение» Андрея Константинова. В этих книгах подробно рассказывается о работе сотрудников НН российской полиции и приемах, которые они используют для негласной фотосъемки. Сегодня, в эпоху цифровой техники, негласное фотографирование стало гораздо более удобным для сотрудников специальных служб. Отпала необходимость в выборе фотопленки, которую приходилось весьма аккуратно устанавливать в фотокамеру. Выбор диафрагмы, выдержки, установка резкости теперь выполняются автоматически, а сам цифровой снимок можно за секунды передать с помощью мобильного телефона в оперативный центр. Мы же об этом не мечтали, поэтому многократно тренировались, тщательно следуя наставлениям наших «фотиков».

Надо сказать, что знание особенностей работы со специальной фототехникой не передавалось по наследству, поскольку новая фотоаппаратура регулярно поступала в 14-й отдел из ОТУ КГБ, где проектировалась и создавалась талантливыми офицерами-конструкторами специальной лаборатории НИЛ-11. Ее сотрудники нередко привозили в 14-й отдел опытные образцы, которые испытывали и оценивали со всех сторон совместно с опытными сотрудниками фотонаправления. Нередко такие опытные образцы новой фототехники имели высокие оптические параметры, однако проигрывали в надежности, а это считалось одним из главных показателей пригодности специальной техники для оперативной работы. Практика общения с офицерами-конструкторами была всегда полезной, и в дальнейшем рекомендации сотрудников 14-го отдела учитывались в процессе совершенствования опытных образцов и модернизации уже используемой сотрудниками ПГУ спецтехникой.

За несколько месяцев работы я освоил многие фототехнологии, мне периодически поручали выполнение несложных заданий оперативных подразделений и в дальнейшем меня даже привлекали для больших по объему фоторабот, таких, как фотосъемка на новые партийные документы, замена которых проводилась в 1976 г.

После стажировки у «фотиков» я «прошел» еще несколько направлений ОТ, где опытные сотрудники отдела обучили меня тонкостям работы с техникой звукозаписи, с различной аппаратурой радиосвязи и контроля эфира. Мне удалось постичь азы тайнописи, изготовления контейнеров, освоить сложные методы и системы поиска техники подслушивания, а потом применить полученные знания на практике в нескольких краткосрочных командировках, где я в резидентурах познакомился с моими коллегами, офицерами ОТ. Я часто вспоминаю моих старших товарищей с теплотой и благодарностью за их терпение, выдержку и уважение, с которым они обучали меня, совсем «зеленого», иногда задиристого лейтенанта, тонкостям и специфике работы в составе советских зарубежных миссий, умению взаимодействовать с разными категориями загранработников, от технического персонала до руководителей представительства. Эти первые боевые уроки очень помогли в дальнейшей самостоятельной работе, особенно когда я оказывался единственным «технарем», которому могли доверить решение деликатных проблем.

Следующий рассказ в этой книге о направлении в деятельности ОТ, которое считалось одним из наиболее сложных и требующих кропотливой и умелой работы. В XX веке оперативная микрофотография была активно используемым средством связи многих разведок мира, каждая из которых создавала свои собственные методики, и в последующих главах будет об этом рассказано.

Очерк II. Оперативная микрофотография

Глава 5. Письма-микроточки жене резидента

Легендарный полковник советской разведки Конон Трофимович Молодый, оперативный псевдоним «Бен», руководивший в 1950–1960 гг. нелегальной резидентурой КГБ в Англии, успешно добывал научно-техническую и военную информацию с помощью агентуры, действовавшей на одной из британских военно-морских баз.

Из архива Keith Melton Spy Museum

Кроме новейшего по тем временам радиопередатчика, для связи с Москвой в резидентуре Молодого активно применялась микрофотография. С ее помощью тексты с исходного документа формата А4 путем особого фотографического уменьшения размещались на крохотных чешуйках целлофана размерами около 1 × 1 мм. Такие микроописьма назывались «микроточками», и резидент «Бен» использовал их даже в личных целях для переписки со своей женой, которая находилась в Москве и одна воспитывала детей. Можно было понять беспокойство о своей семье отца, выполнявшего секретные задания далеко от Родины. «Бен» поддерживал жену личными письмами, отправляемыми в такой необычной форме тайными путями в Москву.

Связь с помощью микроточки в **XX** веке считалась одним из самых надежных и безопасных каналов передачи секретной информации. Действительно, спрятанные в самые разные бытовые предметы, такие, как открытки и обычные письма, книги и небольшие посылки, микроточки можно было уверенно отправлять по обычным каналам почтовой связи.

После Второй мировой войны все действующие и будущие сотрудники советской разведки, а нелегалы в первую очередь, должны были в обязательном порядке изучать все этапы изготовления микроточки, осваивать различные способы, как надежно спрятать микроточку в обычный бытовой предмет. Затем инструкторы давали задание найти спрятанную микроточку, аккуратно ее извлечь, проявить, высушить и прочитать.

Такой непростой экзамен сдавали и коллеги Конона Молодого по нелегальной разведке, среди них Рудольф Абель, организовавший в США сбор и передачу в Москву секретных тех-

нологий изготовления атомной бомбы. А на юге Италии успешно действовал под псевдонимом «Артем» Ашот Акопян, руководитель нелегальной резидентуры КГБ. Агенты «Артема» виртуозно опустошали секретные сейфы итальянских спецслужб и проводили много разных оперативных мероприятий, а сам резидент успешно закончил свою командировку и вместе со своей супругой, неизменной помощницей, вернулся в Москву.

В годы Второй мировой войны все методики разведывательной работы, как и аппаратура для оперативной микрофотографии, считались особой тайной спецслужб, которые тщательно оберегали эти технологии друг от друга. Однако практике создания и развития микрофотографии уже более 150 лет, и, если сравнивать различные на первый взгляд методики спецслужб, можно увидеть их сходство с процессом, разработанным в начале **XX** века Эммануилом Голдбергом.

Из архива Keith Melton Spy Museum

Но, в свою очередь, работы Голдберга базировались на изобретениях и трудах предшествующих ему ученых, энтузиастов фотографии и уникальных мастеров-умельцев, веками последовательно продвигавших искусство создания микроизображений, невидимых простым глазом и потому ставших столь привлекательными для тайной переписки и секретной связи, а также в качестве экспонатов и сувениров для развлечения публики в музеях, на выставках и ярмарках. Обратимся к истории возникновения микрофотографии и первых шагов ее оперативного использования.

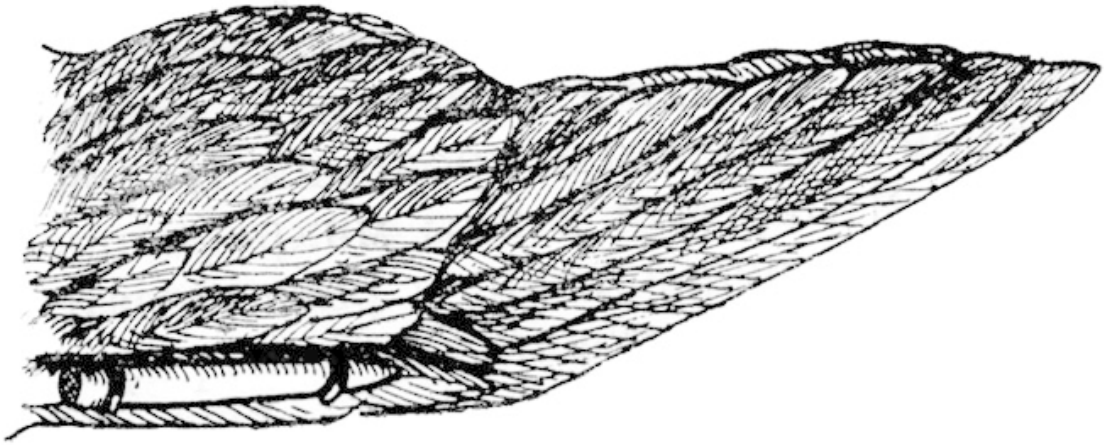
Глава 6. Первые шаги микрофотографии как способа секретной связи

Историки считают пионером микрофотографии английского фотографа Джона Дэнсера. В 1839 г. именно он сделал первое микроизображение с помощью фотокамеры Дагера, используя объектив от микроскопа с фокусным расстоянием 38 мм. При этом Дэнсер добился уменьшения оригинала в 160 раз, а в 1856 г. ему удалось изготовить несколько микропортретов королевской семьи, которые были подарены королеве Виктории.

Создатели микрофотографии (из архива Keith Melton Spy Museum)

Рене Дагрон, французский изобретатель и энтузиаст фотографии, первым создал методику военного использования микрописем и эффективно ее использовал, когда войска Наполеона III потерпели поражение под Седаном и Париж был окружен объединенными германо-прусскими войсками. Все связи с внешним миром были прерваны, и в этой ситуации пригодились опыты Дагрона в микрофотографии. В ноябре 1870 г. Дагрон и его помощники развернули свою фотолабораторию и организовали изготовление микрописем для пересылки их в Париж с помощью голубиной почты.

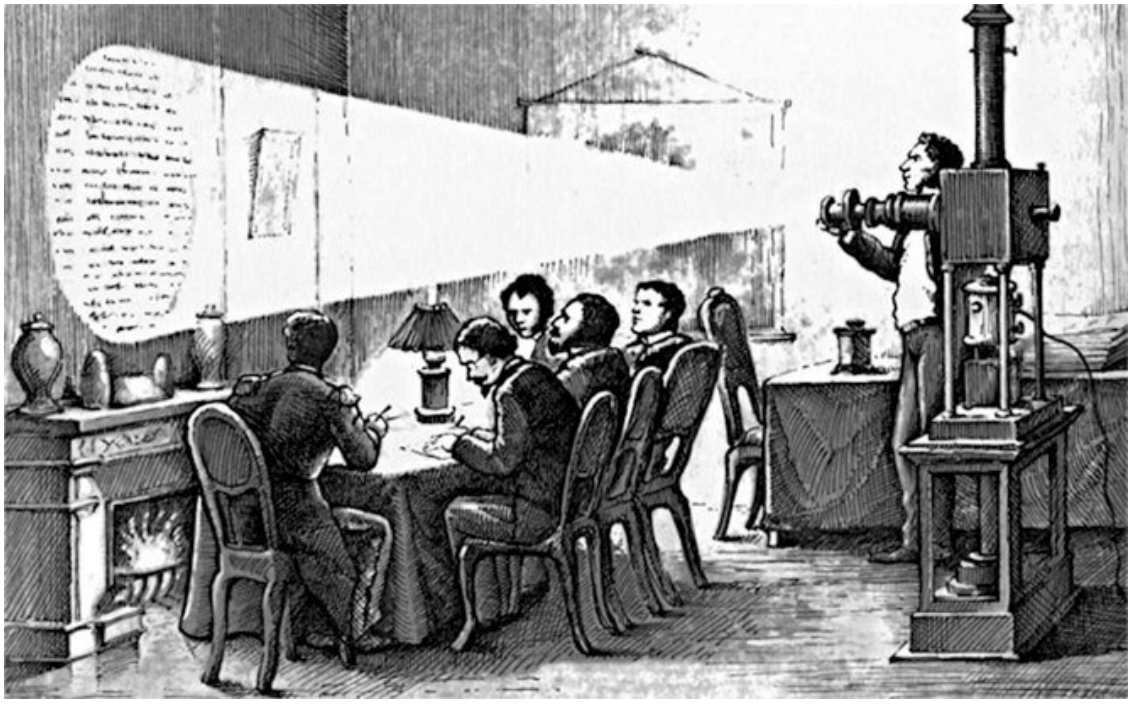
Письма и сообщения выполнялись на прозрачных листах, разделенных на 12 секций размером 80 × 110 мм. Они копировались по частям контактным способом на фотографические пластинки, которые после химической обработки повторно переснимались с большим уменьшением с помощью специальной репродукционной камеры с короткофокусными объективами. В результате получались микроизображения размером не более 1 мм. После обработки эмульсия с микроизображениями снималась со стеклянной пластины в ванне из касторового масла. Полученные микрописьма сушились, вырезались и закреплялись на кусочке пленки, который затем устанавливался в специальный голубиный контейнер. Известно, что один голубь мог нести от 36 до **5**4 тысяч сообщений, отснятых на 18 тончайших пленок.



Контейнер с микрописьмами для доставки голубиной почтой, 1870 г. (из архива Keith Melton Spy Museum)

Полученная в Париже почта аккуратно вынималась из контейнера, пленки размачивались в растворе аммония, разматывались, сушились и устанавливались в стекла подобно современным слайдам. Затем в отдельном помещении с помощью дуговой лампы изображения проектировались на большой экран с увеличением в 1600 раз. С экрана эта почта вручную переписывалась и рассылалась по адресам осажденного Парижа. За **5** месяцев осады французской столицы Дагрон и его команда отправили в микрописьмах 470 листов оригиналов, содержавших 2,5 миллиона сообщений.

По мере развития технологий микрофотографии наиболее важным оказалось получение фотографических эмульсий с достаточной светочувствительностью и отсутствием зернистости. В экспериментах по созданию фотоэмульсий исследователи столкнулись с тем, что фотопроявление скрытого серебряного изображения не подходит для микрофотографии, поскольку классический процесс с химической обработкой солей серебра происходит при заметном увеличении зернистости фотослоя. А для получения микроизображений необходим другой фотопроцесс – потемнение светочувствительного слоя, непосредственно освещенного источником света. При таком экспонировании требуется хорошая оптика и точная юстировка.



Гравюра времен Франко-прусской войны, изображающая переписчиков голубиной почты (из архива Keith Melton Spy Museum)

Эти задачи решил Эммануил Голдберг, которого историки справедливо считают создателем современной микроточки. В 1925 г. на Международном фотографическом конгрессе в Париже Голдберг демонстрирует оригинальную установку для получения микроизображений и показывает широкой аудитории процесс изготовления специального фотослоя с высоким разрешением.

Размер изготовленного и показанного Голдбергом в Париже микроописьма был похож на обыкновенную точку в конце предложения. Отсюда и пошло название «микроточка» всех известных методов тайной связи, при котором текст формата А4 можно было разместить целиком на кусочке специальной фотопленки размерами 1 × 1 мм и даже меньше. В XX веке специалисты по микрофотографии часто называли такое сообщение «микрограммой». Эти работы Голдберга в дальнейшем и явились основой для создания многих методик изготовления микроточек и конструирования специальной аппаратуры для оперативной микрофотографии.

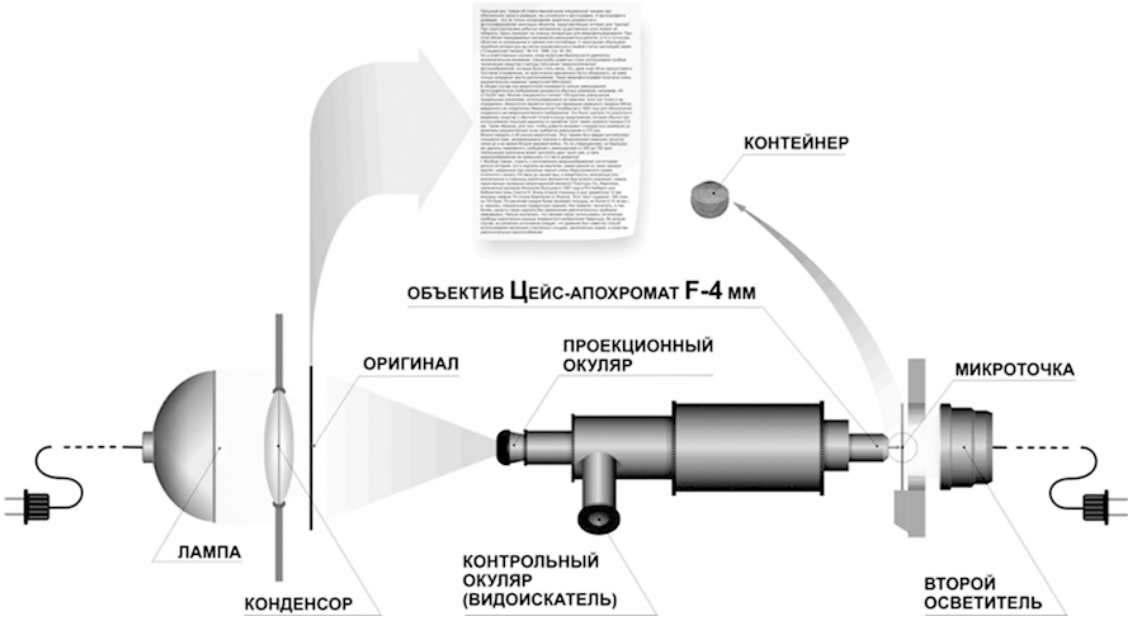


Схема установки Голдберга для получения микроточки, 1925 г. (из архива Keith Melton Spy Museum)

Глава 7. Микрофотография в годы Второй мировой войны

Размеры микроточки, возможность удаления видимого изображения («отбеливание микроточки» на жаргоне спецслужб) и безграничные варианты спрятать крохотную прозрачную чешуйку пленку для пересылки или хранения сделали этот метод одним из самых массовых среди технологий тайной связи. Надо сказать, что микроточку можно изготовить и с гораздо меньшими размерами, чем 1 × 1 мм. Но специалисты оперативно-технических служб справедливо полагали, что многие агенты, не имеющие достаточной профессиональной подготовки, не смогут надежно и уверенно работать со столь крохотными предметами. И потому наиболее используемым размером для микроточки стал считаться 1 кв. мм.

В предвоенный период наиболее активно методики оперативной микрофотографии разрабатывались в Германии. В одном из документов военной разведки указывалось, что в Отделе «1G» Абвера в 1938 г. уже была поставлена задача изготовления микрофотоизображений с целью передачи секретных сообщений. К этой работе были привлечены специалисты фирмы «Agfa», которые разработали фотопластинки высокого разрешения «Agfa-Mikrat-Platten». Другая известная немецкая компания «Zeiss-Ikon» выпустила портативную репродукционную фотокамеру для получения микрофильмов с оригиналов формата А-4; при этом размер изображения на пленке шириной 4 мм составлял всего 2 мм.

Независимо от Абвера созданием методик оперативной микрофотографии занимался отдел «6F» Главного управления имперской безопасности, где работал профессор Хельмут Фризер. После окончания войны Фризера доставили в СССР, где он 10 лет трудился в одном из закрытых НИИ КГБ, занимаясь проблемами микрофотографии.

Однако Германия не долго оставалась лидером в оперативной микрофотографии, поскольку британским спецслужбам с помощью агентов-двойников удалось узнать о новом способе связи и разработать свои методики изготовления микроточки в период Второй мировой войны. Британцы строго хранили свои секреты, однако они не подозревали, что знаменитый разведчик XX века Ким Филби, занимавший высокий пост в британских спецслужбах, конечно же, передал СССР все новейшие британские секреты микрофотографии и тем самым существенно помог советским ученым и конструкторам усовершенствовать собственные методики и создать специальные приборы для изготовления и чтения микроточек.

Активное использование микрофотографии и тайнописи немецкими спецслужбами заставило британскую контрразведку МИ-5 предпринять меры противодействия, для чего англичане организовали резидентуру на Бермудских островах, где во время войны размещалась промежуточная база транспортного авиапотока между Америкой и Европой. Главной задачей этой британской резидентуры был контроль, досмотр и перлюстрация всей корреспонденции. Пока шла дозаправка самолетов и отдых экипажей, англичане в темпе обследовали почту и багаж. Наиболее искусными мастерами перлюстрации были девушки – сотрудницы британской контрразведки. В то время командировка на Бермуды считалась весьма престижной, но работать им приходилось с 200-кратными микроскопами, исследуя все подозрительные точки и кляксы во вскрытых конвертах.

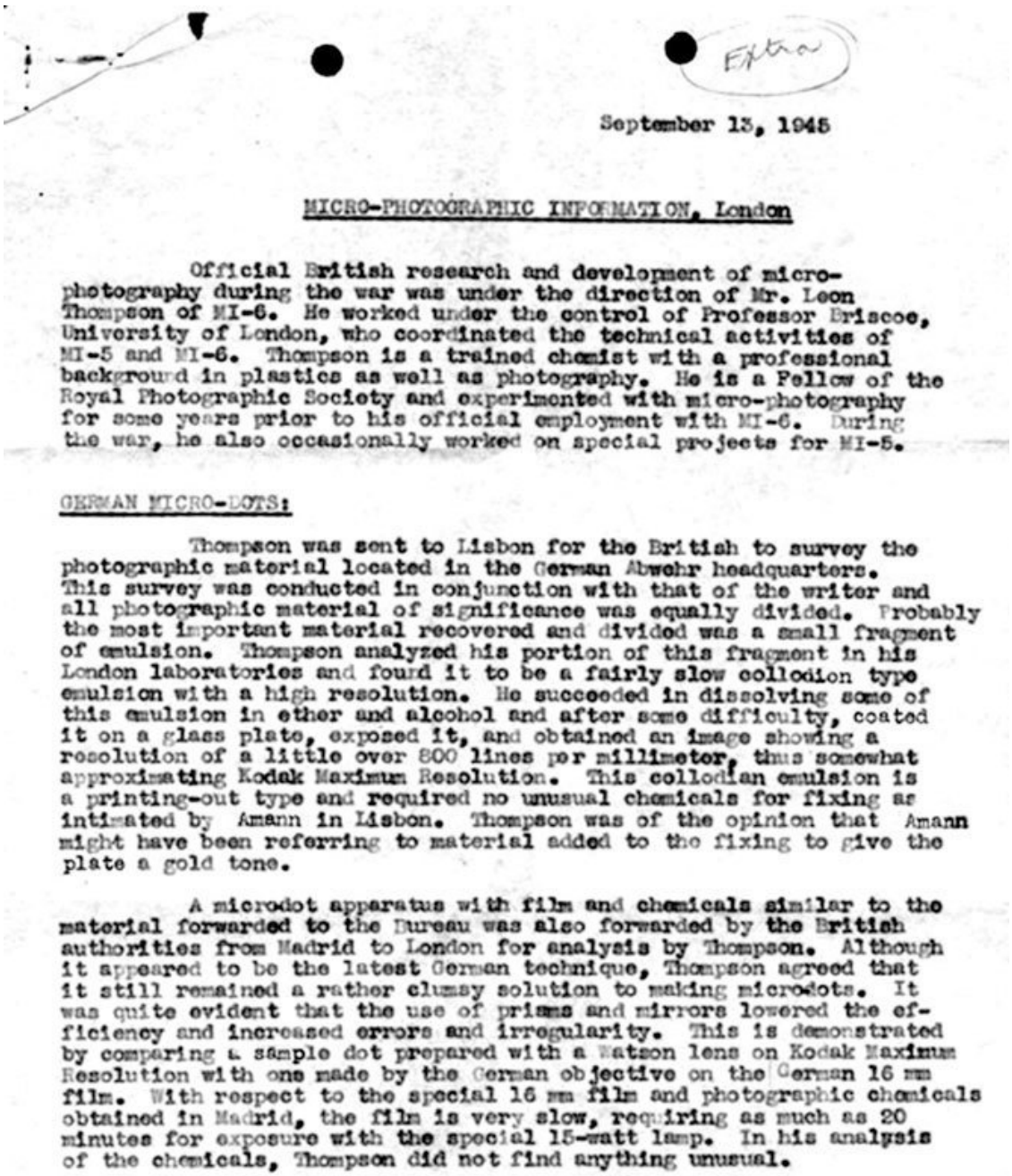
На первых порах поиски микроточек оказались неэффективными, и контрразведка МИ-5 решилась на сотрудничество с ФБР. Для этого пришлось передать американцам секретные сведения о микроточке как средстве связи немецких агентов и способах ее изготовления. В свою очередь ФБР информировало англичан о подозрительных абонентах и корреспондентах, чью почту необходимо было взять под контроль в первую очередь. При этом британские офицеры предупредили американцев о соблюдении режима конфиденциальности, чтобы не раскрыть источник информации и чтобы немцы не догадались, что их секрет обнаружен.

Когда в 1941 г. шефу американской контрразведки ФБР показали через микроскоп немецкую микроточку, Эдгар Гувер был настолько потрясен, что сразу уведомил президента США, а затем и американскую прессу об успехе своей контрразведки, обнаружившей новый секретный способ вражеской связи. Однако историки спецслужб по-другому оценили поступок Гувера, поскольку президенту Рузвельту почему-то не сказали о содержании микрограммы, в которой большинство вопросов немецкому агенту касались обороны военно-морской базы США в Пёрл-Харбор, впоследствии подвергшейся внезапной массированной атаке японских ВВС.

В 1945 г., в самом конце войны, португальская полиция блокировала немецкое посольство в Лиссабоне и арестовало всё оперативно-техническое оборудование абверовской резидентуры, самой активной на Пиренеях. Американские спецслужбы проявили к этому большой интерес, поскольку планировали создать свою службу перлюстрации и поиска микроточек, справедливо полагая, что немецкие агенты, оставленные в США, будут пользоваться микроточками в качестве секретной связи. США дали команду своему техническому специалисту оценить захваченную в Португалии немецкую спецтехнику, которую, как оказалось, уже «потрогал» своими руками британский ученый Леон Томпсон, работавший во время войны, как и многие его коллеги, на разведку МИ-6 и консультировавший контрразведку МИ-5.

Специальная техника резидентуры Абвера в Лиссабоне, арестованная португальской полицией в 1945 г. (из архива Keith Melton Spy Museum)

В годы войны Леон Томпсон руководил исследованиями в МИ-6 по микрофотографии под началом профессора Лондонского университета Бриско, координировавшего техническую деятельность МИ-5 и МИ-6. И потому Томпсон был признанным авторитетом по микрофотографии и методикам изготовления микроточек.



September 13, 1945

MICRO-PHOTOGRAPHIC INFORMATION, London

Official British research and development of micro-photography during the war was under the direction of Mr. Leon Thompson of MI-6. He worked under the control of Professor Briscoe, University of London, who coordinated the technical activities of MI-5 and MI-6. Thompson is a trained chemist with a professional background in plastics as well as photography. He is a Fellow of the Royal Photographic Society and experimented with micro-photography for some years prior to his official employment with MI-6. During the war, he also occasionally worked on special projects for MI-5.

GERMAN MICRO-LOTS:

Thompson was sent to Lisbon for the British to survey the photographic material located in the German Abwehr headquarters. This survey was conducted in conjunction with that of the writer and all photographic material of significance was equally divided. Probably the most important material recovered and divided was a small fragment of emulsion. Thompson analyzed his portion of this fragment in his London laboratories and found it to be a fairly slow collodion type emulsion with a high resolution. He succeeded in dissolving some of this emulsion in ether and alcohol and after some difficulty, coated it on a glass plate, exposed it, and obtained an image showing a resolution of a little over 800 lines per millimeter, thus somewhat approximating Kodak Maximum Resolution. This collodian emulsion is a printing-out type and required no unusual chemicals for fixing as intimated by Amann in Lisbon. Thompson was of the opinion that Amann might have been referring to material added to the fixing to give the plate a gold tone.

A microdot apparatus with film and chemicals similar to the material forwarded to the Bureau was also forwarded by the British authorities from Madrid to London for analysis by Thompson. Although it appeared to be the latest German technique, Thompson agreed that it still remained a rather clumsy solution to making microdots. It was quite evident that the use of prisms and mirrors lowered the efficiency and increased errors and irregularity. This is demonstrated by comparing a sample dot prepared with a Watson lens on Kodak Maximum Resolution with one made by the German objective on the German 16 mm film. With respect to the special 16 mm film and photographic chemicals obtained in Madrid, the film is very slow, requiring as much as 20 minutes for exposure with the special 15-watt lamp. In his analysis of the chemicals, Thompson did not find anything unusual.

Отчет сотрудника американских спецслужб о консультациях с британским ученым Томпсоном, 1945 г. (из архива Keith Melton Spy Museum)

В сентябре 1945 г. в своём отчете сотрудник американских спецслужб подробно изложил мнение британского специалиста об уровне оперативной техники Абвера. Он писал, что Томпсон самым тщательным образом ознакомился со всей немецкой оперативной техникой в Лиссабоне. Особое внимание Томпсон обратил на маленький фрагмент фотоэмульсии, валявшийся среди груды немецкой специальной радио- и фототехники. Возвратившись в Лондон, Томпсон внимательно его исследовал, испытал и даже сделал сам немецкую микроточку, а потом пришел к выводу, который полностью подтвердил имевшиеся ранее оперативные данные МИ-6 об активном использовании немецкой разведкой специальных фотоматериалов с высоким разрешением для изготовления микроточек.

Американскому сотруднику удалось разговорить Томпсона, который подробно рассказал о всех тонкостях немецкой технологии изготовления микроточек, конечно же, не имевшей, по словам Томпсона, каких-либо существенных преимуществ перед британскими методами. Затем Томпсон подробно описал два метода разведки МИ-6 для изготовления микроточек, разработанных для секретной связи с агентурой во время войны, которые использовались группами движения Сопротивления в Норвегии и Франции. Партизаны действовали при поддержке британской разведки на оккупированных немцами территориях, куда Томпсон, по его словам, нелегально забрасывался для обучения основам новой секретной связи, за что и получил высокую награду от правительства Норвегии.

По словам Томпсона, основу британских секретных технологий микрофотографии составляли специальные фотоматериалы с максимальным фоторазрешением «Kodak-MR» знаменитой фирмы «Eastman Kodak», которая по особому секретному распоряжению правительства её величества не поставляла эти фотоматериалы в открытую продажу, а снабжала ими только британские спецслужбы. В то время фирма «Kodak» специально для МИ-6 разработала особую секретную пленку «Kodalith» со снимающимся в горячей воде фотослоем, которую после войны стали повсеместно использовать все разведки мира, назвав её «мягкой пленкой» (Soft Film). Справедливости ради надо сказать, что немцы уже сами наладили производство аналогичной фотопленки с высоким фоторазрешением на фирме «Agfa-Gevaert» с показателями не хуже, чем у «Kodak», и, вероятнее всего, Томпсон обнаружил в Лиссабоне и затем тестировал в Лондоне именно такую немецкую фотопленку, которая, конечно же, имела сходные параметры, поскольку разрабатывалась также для микрофотографии.

Во время беседы дотошный американец утомил Томпсона своим вопросами, и, когда речь зашла о русских микроточках, англичанин весьма неохотно ответил, что «русские знают об этом методе, но их микроточки пока невысокого качества…» Со своей стороны можно добавить, что в разоренной войной стране, конечно же, не было возможности создавать высокоточную оптику и специальные пленки для микрофотографии.

Глава 8. Микрофотография в послевоенный период

В послевоенный период оперативная микрофотография начала широко применяться в практике деятельности многих спецслужб. Это стало возможным в результате активных научно-исследовательских работ многих зарубежных и отечественных лабораторий, которые создавали достаточно простые и понятные методики изготовления микрограмм. При этом ученые и конструкторы руководствовались требованиями максимально упростить методики изготовления фотослоев с высоким разрешением с тем, чтобы процесс копирования (печатания) микроточки можно было реализовать в бытовых условиях.

И действительно, в 1950-е гг. светочувствительные слои с высоким разрешением можно было достаточно легко изготовить на фотопластинках и целлофане, а химические реактивы для их изготовления свободно продавались в аптеках и магазинах бытовой химии. В это же время появились методики использования любительской фотоаппаратуры с высококачественной оптикой для изготовления и чтения микрограмм. Специальные службы активно оснащали своих агентов миниатюрными лупами и специальными микроскопами для чтения микроточек. Все это позволило шире внедрять микрофотографию в практическую оперативную деятельность.

Среди многообразия методов связи и обмена информацией в послевоенный период специальные службы особо выделяли микрофотографию, имевшую весьма выгодные качества. Главным была высокая конфиденциальность как следствие большой сложности обнаружения небольшой чешуйки прозрачной пленки при отсутствии точных данных о ее местонахождении. Число возможных способов сокрытия микрограммы было бесконечно велико, поэтому не возникало затруднения в выборе для каждого агента своих особенностей работы с микроточкой и вариантов ее пересылки.

В то время считалось, что правильно и качественно, без следов клея и повреждений носителя (открытки, конверта, книги, буклета и др.) спрятанные микрограммы практически неуязвимы как для опытного сотрудника службы перлюстрации, так и для лабораторного анализа. Даже когда контрразведке становилось известно о применении микрофотографии, обнаружить микроточку считалось невозможным или крайне затруднительным.

Микрограмма обладала высокой степенью надежности вследствие устойчивости к различным химическим и механическим воздействиям. При этом опасность повреждения микрограммы или ее уничтожения в процессе пересылки практически была исключена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.